

Семинар сектора философских проблем политики Института философии РАН
«Актуальные проблемы российской цивилизации»

М.А. Маслин

д.филос.н., профессор, заведующий кафедрой истории русской философии МГУ

**«Петр Великий и становление российской цивилизации
(в связи с 350-летием со дня рождения)»**

24 мая 2022 г.

15:00 (Институт философии РАН, ауд. 313)

Тезисы доклада

1. Петр I - один из главных символов отечественной истории. Масштаб цивилизационного выбора, сопровождавшийся системой мер, задавших векторы его фактической реализации, позволяют рассматривать его в одном ряду с Владимиром Святым, Александром II Освободителем и В.И. Лениным. Петровские реформы затронули все сферы российской культуры, а трансформация идеологической парадигмы положила начало петербургской эпохе российской истории, которая завершилась в 1917 году. Уже при жизни царя реформы встретили сопротивление со стороны различных социальных групп. Его сравнивали с Антихристом. Подавленное на политическом уровне, это сопротивление перешло в идейную плоскость. Параллельно формировались как мифы о Петре, так и рациональная рефлексия его деяний. Сталин, сместивший акценты с мировой революции на имперское строительство, спровоцировал новый виток мифотворчества, уже опирающегося на систематические усилия идеологической машины. В период либеральных реформ 1990-х отношение к Петру было, скорее, критическое, а восстановление российской имперской государственности, начавшееся в XXI веке, задает новый горизонт осмысления. Литература, посвященная Петру, огромна. Продолжают появляться новые интерпретации и концепции. Возможны ли в принципе парадигмальные сдвиги по отношению к такому «насыщенному феномену», как петровские преобразования? Ответ требует систематической аналитики сложившихся и складывающихся подходов на предмет выявления главных линий интерпретаций и рефлексий. Цель состоит в том, чтобы придать этому процессу аналитико-критический вид, исходя из современной ситуации в отечественной гуманитаристике, на основе включения новых источников, а также с учетом ключевых тенденций зарубежной историографии; сравнить с празднованием 200-летнего юбилея Петра I в 1872 г. как с этапом формирования «петровского мифа» в русской

культуре. Учсть появление на сегодня новых мировых центров изучения русской имперской традиции (Китай и Турция).

2. Личность и реформы Петра Великого получили в русской философии и культуре антиномическую оценку, начиная от А.Н. Радищева и М.М. Щербатова в XVIII веке. Радищев провозгласил гимн «обновителю России», чьи «громкие дела возбуждали удивление и почтение», тогда как Щербатов порицал царствование Петра за «повреждение нравов». В XIX веке деяния Петра стали предметом осмысления первых русских идейных течений, славянофильства и западничества. Начало прославлению реформ Петра Великого было положено В.Г. Белинским, в том числе посредством оригинальной интерпретации философии Гегеля, его концепции «разумной действительности». Генезис русской интеллигенции, обычно связываемый с именем Белинского, в действительности ничего общего не имел с социалистическим или революционным образом мышления. Тезис о Белинском как «революционном демократе» следует отбросить как бессмысленный идеологический реликт. Интеллигенция по сути своей явилась исключительным плодом деятельности российского государства в его имперский период. Эта ее черта отражена в работах Белинского, который рассматривал свою журналистскую активность как род служения и защиту интересов империи. Об особом и неизменном пиетете к личности и деяниям Петра Великого, не зависящем от многообразных сюжетов работ Белинского и его разнообразных неустойчивых симпатий, выраженных в склонностях к идеям консерватизма, либерализма и социализма, свидетельствует вся совокупность сочинений публициста, начиная с его ранней работы «Литературные мечтания», принесшей ему всероссийскую славу ведущего литературного критика (1834). В основе этого успеха лежал осмысленный и, как оказалось, беспроегрешный для цензуры и читающей публики выбор идейной тональности в пользу смеси патриотического западничества с прославлением просвещенного абсолютизма Петра Великого, личности и деяний самого успешного российского монарха. В ходе полемики со славянофилами Белинский придерживался мнения, согласно которому вопрос об отношении к реформам Петра I по принципу «против» или «за» составляет водораздел между «славянофилами и неславянофилами». На самом деле разделение на «славянофилов и неславянофилов» в связи с оценкой реформ Петра Великого было проведено во многом искусственно и было преимущественно продуктом полемики с представителями «московского направления». Ю.Ф. Самарин указал на то, что приписываемые Белинским негативные оценки петровских реформ, будто бы принадлежащие славянофилам, не соответствуют действительности, поскольку сами

славянофилы «никогда не думали отвергать» их историческое значение. Славянофилы, подобно Белинскому, также были убеждены, что «Реформа Петра не могла быть случайна» и «Миновать эпоху преобразования, перескочить за нее, нельзя». Неосновательность радикального разделения всей русской мысли на «славянофилов и неславянофилов» в связи с оценкой петровской реформы признавалась порой и самим Белинским. В ряде случаев он был вынужден признать верными мысли о нравственном расколе, который внес «русский европеизм» в русское общество в результате реформ Петра - «об этом они (славянофилы, М.М.) говорят много дельного, с чем нельзя не согласиться» и далее - «пора оставить, как дурную привычку, довольствоваться словами и европейские формы и внешности принимать за европеизм». Будучи готовым признать справедливыми некоторые «отрицательные стороны» доктрины славянофилов, Белинский, в сущности, оставлял без конкретного разбора ее «положительную сторону», то есть собственно религиозную философию, ограничиваясь фразой о ее «туманном и мистическом характере». На самом деле, вопрос о соотношении «старого и нового» в отечественной истории не был центральным в полемике между славянофилами и неславянофилами; он был вопросом внешним, поскольку лежал на поверхности наметившихся мировоззренческих различий между идейными течениями 30-40-х годов. Реальные противоречия существовали между религиозно-метафизическим мировоззрением славянофилов, основанным на традиционных православных ценностях, и рационалистическим мировоззрением секулярной интеллигенции, развивавшей идейность европейского Просвещения. Речь идет в действительности о двух «целостных и несводимых мировоззрениях» (Г.В. Флоровский), где вопрос об отношении к реформам Петра имел подчиненное, но не решающее значение. В дальнейшем, в том числе в следующем, XX столетии эти несводимые мировоззрения, представлявшие две разные культурно-исторические тенденции, определяемые как «петербургология» и «москвософия» (В. Ванчугов), с разными вариациями и степенями интенсивности противостояния, выражали смысловые оттенки антиномического единства и многообразия русской мысли. Споры о личности и реформах Петра I получили острое продолжение, выстроенное на постсекулярной основе, в русском послеоктябрьском зарубежье XX века. В их орбиту были вовлечены практически все философы в эмиграции, включая Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, П.Б. Струве, Г.П. Федотова и др., обсуждавшие такие небывалые ранее события как Мировая война и Русская революция. Наиболее радикальная критика преобразований Петра I была дана евразийством (Н.С.Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Флоровский, П.П. Сувчинский и др.).

Основатель евразийства Н.С. Трубецкой прибегает к сравнению личности и деяний Петра I с большевизмом. Параллель «Петр - первый большевик» разделял также Н.А. Бердяев. Космополитизм петровских реформ и большевизм внутренне близки, поскольку одинаково полагают нахождение центра русской культуры не в ней самой, а вне ее - в «романо-германстве» или в «пролетарском интернационализме», тем самым лишая отечественную культуру ее собственного национального содержания. Наиболее убедительным выразителем критики петровской имперской модернизации стал гениальный филолог и лингвист (знал 49 иностранных языков) князь Н.С. Трубецкой, автор книги «Европа и человечество» (София, 1920). Коренным изъяном петровских реформ Трубецкой считал одностороннюю ориентацию царя-реформатора на романо-германскую культурно-цивилизационную матрицу, на ее усвоение и имитацию в условиях России. Тогда как западнический вектор вовсе не исчерпывает все многообразие этногеографических зон, в которые включена многосоставная культура России, ибо она включает в себя и «Восток», и «Запад», и «Север» и «Юг», являя собой образ не какой-то локальной цивилизации, а человечества в целом и всечеловеческой культуры.